

Германо-российское партнерство, направленное на развитие ("Eurasisches Magazin", Германия)

Стоит ли идти на конфронтацию с Россией и на попытки сдержать ее

Кай Элерс (Kai Ehlers), 01 ноября 2005

[\[отослать ссылку\]](#)

[\[версия для печати\]](#)

Выборы в немецкий Бундестаг в сентябре/октябре 2005 года дают повод подумать о перспективах германо-российской политики. В этом можно полностью согласиться с авторами материала ['Берлин-Москва: 2005-2008 годы'](#), опубликованного в ЕМ в сентябре этого года. Александру Рау (Alexander Rahr) я хотел бы также выразить благодарность за то, что к своему материалу он присовокупил доклад из 'мастерской будущего' форума 'Петербургский диалог' о 'демографических проблемах', перед лицом которых оказались Россия и Германия.

Я так настойчиво говорю о своей благодарности по той причине, что публичная дискуссия о перспективах российско-германской политики, которая идет благодаря приглашенным гостям форума 'Петербургский диалог', более чем назрела в связи нынешними представлениями о России, меняющимися в худшую сторону.

Понятное дело, что я в данном случае не могу останавливаться на всех деталях обоих материалов, поэтому сделаю замечания только по поводу вопросов, которые касаются жизнеспособности германо-российского диалога.

Где проходит линия спора по вопросу от ношения к России?

Авторы делают правильный вывод о том, что перед германской политикой в отношении России стоят большие проблемы. Правомерно также ставится вопрос о возможности спора по поводу направленности этой политики: является ли целесообразным стратегическое партнерство с привлекательной в экономическом плане, но авторитарной Россией или же оно контрпродуктивно. Но действительно ли линия в этом споре пролегает между красными/зелеными и ХДС/ХСС/СвДП, как это предполагает Александр Рау, и действительно ли речь идет о том, является ли Россия авторитарной страной или нет?

Такое впечатление могут вызывать некоторые публичные дебаты последнего времени, в ходе которых Путина критикуют из-за дела ЮКОСа. Но это впечатление обманчиво: линия спора по поводу немецкой политики в отношении России пролегает через все политические лагеря, даже через новые левые партии, а также через ЕС. Спор в меньшей степени касается вопроса авторитарных структур в России и в большей - вопроса, как быть с зависимостью Германии от российских энергоносителей. Стоит ли идти на конфронтацию и на попытки сдержать Россию вместе с США или же вместе с Россией пойти против американцев? Причем трудно предположить, чтобы новое немецкое правительство стало проводить в принципе иную политику, чем та, которую проводили красно-зеленые в последние годы. Во всяком случае, к такому выводу

приходит сам Александр Рар: политика правительства во главе с ХДС/ХСС, в конечном счете, тоже 'будет отличаться трезвым подходом к реалиям', в частности, в том плане, что немецкая экономика так легко не откажется от 'перспективы завоевания в России крупнейшего растущего рынка 21 столетия'. Независимо от того, авторитарная это страна или нет. С этим, что касается морали 'экономики', можно согласиться. Эти слова в материале Александра Рара являются определяющими: на чем, в частности, встает вопрос, основывается его предположение о том, что Россия - 'крупнейший растущий рынок'. Более того - что следует понимать под 'растущим рынком', если ниже в материале 'мастерской будущего' процесс резкого падения экономики, как российской, так и немецкой, вызванный демографическим кризисом, характеризуется как решающий вызов наступившего столетия? В этом, очевидно, необходимо разобраться.

Может ли модель немецкого социального государства действительно служить образцом?

Разумеется, следует согласиться с Александром Раром в том, что с вызовами столетия можно справиться только в рамках общей политики между Россией и Германией, которая должна быть направлена на 'перестройку социального сектора', на выработку настоящих социальных реформ. Видимо, не вызывает сомнений и оценка Рара, когда он говорит, что экономическая ситуация в России стабилизируется, что несмотря на кризис в ходе преобразований, процесс развития страны будет продолжаться, что стабилизация, которая до сих пор в значительной мере базировалась на экспорте нефти и газе, должна теперь основываться на расширении своего собственного производства и на обновлении социальных структур.

Но что можно думать, если затем Александр Рар говорит: 'Интерес России состоит в том, чтобы, осуществляя реформирование социального сектора, воспользоваться опытом Германии'? То есть будущее России - в обращении к модели Германии - и это как раз в тот момент, когда немецкое социальное государство, которое уже не один год находится и само в состоянии кризиса, оказалось несостоятельным? Разве причиной российских проблем не является на пятьдесят процентов тот факт, что западные модели, в том числе немецкая, не подошли для лечения советского социального государства, находящегося в упадке, и что уничтожение его привело сначала страну к катастрофе? С некоторых пор эту точку зрения после почти двадцати лет преобразований практически не оспаривают и сами бывшие российские радикалы-реформаторы и их западные советники.

Социальную модель России и Германии надо изменить - эта задача имеет эпохальный характер. Германия и Россия отличаются от других стран мира своим опытом, связанным с фашизмом и сталинизмом.

С другой стороны, трансформация идеи социального государства в тоталитаризм, сталинизм и фашизм, а также их крах, кризисы и их преодоление представляют собой опыт, который можно сравнивать, и которой может дать общую перспективу Германии и России, опыт - отличающий эти две страны от других стран мира.

Оба общества, что касается внутренней обстановки в них, потерпели крах в тоталитаризации социальной модели, оба довели потенциал тотального социального государства до excessa, оба после конфронтации между фашизмом и сталинизмом в мировом масштабе противостояли еще раз другу другу на немецко-немецком поле, на этот раз в рамках конкуренции государства всеобщего благоденствия и социальной

рыночной экономики в разделенной стране. После падения системных границ нужно и можно изучать этот опыт, лучше всего делать это вместе. В целом, задача преобразования нынешних социальных структур стоит на повестке дня не только в России, но и в Германии. Это обстоятельство, нашедшее свое отражение во время выборов в Бундестаг в утрате доверия к буржуазным партиям, отвергает любые попытки экспорта немецких социальных структур, как чего-то непревзойденного, для обеспечения будущего России. У обеих стран есть, скорее, шанс заняться вместе, обмениваясь опытом, поиском новых путей социального обеспечения, поскольку обе страны в ходе разработки практических методов поддержания своего социального государства собрали опыт и создали социально-экономические структуры, способные сегодня помочь им найти новые пути социальной организации. С использованием, как опыта советского социального государства, так и патриархального немецкого социального государства, становившегося на какое-то время фашистским.

Исходным пунктом для сотрудничества должно быть, разумеется, осмысление роли выросших структур и новой истории соответствующих обществ, как российского, так и немецкого. Необходим конкретный диагноз, какие из особенностей этих двух обществ считать полезными для политической терапии. Она должна привести через осмысление особенностей России или Германии к определению возможного общего пути развития в будущем. Для России это означает необходимость разобраться в досоветском, советском и постсоветском опыте. Для Германии - изучить систему Бисмарка (Bismarck) и ее деформацию во времена фашизма. Это относится также к процессам в двух Германиях и их нынешнему немецко-немецкому сближению.

Оба общества, невзирая на свой различный экономический уровень, находятся в условиях агонии своих социальных структур. Причем Россия в силу сохранявшейся и в советское время особенности прибегать к самообеспечению и наличия природных ресурсов находится в более благоприятных условиях.

В настоящее время не существует никакой 'железной опасности'

Тем более, если отнестись к сценарию появления в скором времени демографических проблем, о чем говорят авторы 'мастерской будущего', серьезно. Я еще раз благодарю за возможность познакомиться с этой работой, но она, однако, показывает, что простое перенесение прогнозов экономического роста, базирующихся на показателях сегодняшнего развития, не выдержит проверкой временем ни в Германии, ни в России. Мы, наоборот, должны настраиваться на экономический спад. Существует ли в этой связи 'желтая опасность'? В настоящее время - нет. Все цифры о мнимых миллионах китайцев, устремляющихся в Россию, - цифры политические. В этом мы единодушны. Это подтверждают все исследования, которые я смог провести вместе с российскими коллегами непосредственно на местах. Китай в настоящее время переживает экономический бум, но не демографический, даже кризис перепроизводства там пытаются сдержать с помощью только что принятого пятилетнего плана. Нет в настоящее время и угрозы всеобщего азиатского или африканского нашествия, ЕС до сих пор был в состоянии упреждать давление переселенцев на своих внешних границах.

Существует возможность совместной разработки новой модели социального государства

Но как долго может сохраняться такое положение дел в стратегической перспективе?

Как способствует международным отношениям развитие демократических отношений? ЕС, прежде всего Германия, использует модель ничем не сдерживаемой рыночной экспансии, экспортируя одновременно приватизацию систем социального обеспечения, вместо того, чтобы разрабатывать для народов, вновь вступивших и вступающих в круг развитых государств и мировых держав, новые формы социального обеспечения, которые бы отвечали уровню развития производительных сил. Россия была бы для Германии исторически сложившимся партнером в проведении такой политики, направленной на использование исторического опыта социальных систем фашизма и сталинизма в интересах разработки новых социально-экономических перспектив. Вместе Германия и России могут показать миру, как можно решать демографическую проблему с помощью социально-экономической структуры, отвечающей уровню развития нынешних производительных сил, позволяющих добиваться увеличения производительности с меньшими затратами труда. Вместо идеологии необузданного роста, наталкивающейся в стране на свои естественные границы, Германия поступила бы правильно, занявшись распространением знаний, методов и средств интенсивного хозяйствования с соблюдением экологических критериев и связанных с этим социальных структур.

В борьбе за доступ к сырьевым ресурсам Путин одерживает верх

С этой точки зрения я хотел бы сделать еще два замечания к материалу Александра Рара. Одно из них касается дела ЮКОСа: Александр Рар пишет, что после вынесения приговора Ходорковскому США 'диалог в области энергетики. . . с Россией закончили'. Ни в коем случае! Не США закончили диалог с Россией, если так вообще можно называть попытку приобретения ЮКОСа американским концерном, а Россия закончила 'диалог' с США. Этот раунд в борьбе за доступ к сырьевым ресурсам Евразии выиграл Путин! Вопрос лишь в том, что будет дальше: отказались ли США от своей мечты о господстве над Евразией, конкретно от намерения обеспечить контроль над сырьевыми ресурсами путем сдерживания России? Нет. Следует ожидать нового вмешательства, направленного против России. И здесь второе мое замечание. Оно касается вопроса, ответа на который пока нет: какую роль играет ЕС, а в нем Германия, на евразийском силовом поле? Я согласен с выводами Александра Рара, что ЕС сегодня расколот на страны, которые с Россией 'примирились', и на те, - вышедшие из Варшавского Договора, - что имеют еще с Россией незакрытые 'политические счета', и что Германии в этой ситуации выпадает особая роль посредника.

Но что касается отношения ЕС к России, то ведь речь идет не только о настроениях, которые можно было бы легко восстановить, хотя они, безусловно, играют важную роль, а о принципиальном социально-экономическом курсе будущего. В центре его находится вопрос об 'энергетической безопасности', и здесь следует еще раз возвратиться к прогнозам Александара Рара относительно экономического развития. В кругах ЕС вопрос об 'энергетической безопасности' ставится двояким образом: в одном случае - действия в качестве младшего партнера США, что означает конфронтацию с Россией, которая хочет отрезать их с помощью 'коридора' от доступа к сырьевым ресурсам. В другом, - в качестве стороны в рамках стратегического партнерства между ЕС и Россией, и особенно партнерства между Россией и Германией. При втором варианте в ЕС исходят из того, что Россия полностью контролирует свои прежние и вновь открытые евразийские месторождения сырья, или - пример - дело Ходорковского - снова возвращает и будет возвращать впредь контроль над ними.

В настоящее время стратеги в Брюсселе, как и в Берлине, пока расходятся в том,

какому пути отдать предпочтение, то ли пойти на конфликт, то ли на сотрудничество - и используют сразу оба. Кто-то мог бы посчитать это умным в тактическом отношении, кажется это уместным и для нового правительства Германии, но в действительности данное обстоятельство приводит к сильному раздражению внутри ЕС, а также в отношениях между Россией, государствами-преемниками Советского Союза и ЕС. В перспективе продолжение такой стратегии ЕС, сочетающей сдерживание и партнерство, не будет способствовать достижению стабильности на евразийском пространстве. Более реалистичен, а значит, более перспективен, безусловно, вариант, когда Россия воспринимается как стратегический партнер без всяких условий, когда вместе с ней разрабатывается альтернативная концепция снабжения энергоносителями, которая бы снимала зависимость от ископаемых сырьевых ресурсов. В этой стратегии Германии с учетом ее особо высокоразвитого производства, а, значит, сильной зависимости от энергоносителей выпадает задача искать вместе с Россией новые пути снабжения энергоносителями и интенсификации производства и развития связанных с этим новых социальных структур, агитировать за это среди партнеров по ЕС. В этом, думаю я, заключается вклад Германии в развитие и демократизацию евразийского пространства, а не в экспорте пропагандируемого в настоящее время рыночного либерализма.